ИЗСТУПЛЕНІЕ
Французской политики
въ 19 вѣкѣ.

Французская революція, въ основаніяхъ потрясшая бытіе Государствъ, продолжается и понынѣ. Сія мысль огорчительна, но въ ней заключается и утѣшеніе для человѣческаго рода.

Судьба Европы, достойнабъ была крайняго сожалѣнія, естьлибъ перемѣны, произведенныя въ ней Бонапартомъ могли быть почитаемы твердыми основаніями устройства будущихъ временъ. — Нѣтъ! Всѣ творенія Французской политики суть не что иное, какъ судорожныя движенія революціи; во Французскихъ же Полководцахъ, Министрахъ и т. п. видимъ мы однихъ наслѣдниковъ Марата и Робеспіера; они должны безпрестано ожидать того времени, когда раз-

рушится беззаконная ихъ власть руками націи, которая ими первая порабощена или тѣхъ народовъ, орудіемъ порабощенія коихъ они ее сдѣлали.

Послѣднія бѣдствія, постигшія Европу, почти изгладили изъ памяти нашей предшествовавшіе ужасы, но вспомнимъ, что во Франціи, съ самаго уничтоженія Королевскаго Правительства, одно соединенное скопище злодѣевъ слѣдовало за другимъ въ управленіи народномъ, и что наконецъ послѣднее изъ сихъ скопищъ, не довольствуясь злополучіемъ Франціи, устремилось на разореніе всей Европы.

Въ началѣ революціи народъ Французскій искалъ щастія, руководствуясь какимъ-то темнымъ чувствомъ: Правительство казалось ему тиранскимъ, дворянство высокомѣрнымъ и притѣснительнымъ и хотя дворяне и купцы съ своей стороны также роптали, но другія состоянія признавали первыхъ излишними въ Государствѣ, а вторыхъ своекорыстными откупщиками, которые, въ со-

гласіи съ Интендантами финансовъ, терзали народъ. Большая часть Французовъ не понимала мысли о нравственной свободѣ, и восхитясь симъ словомъ, разумѣла подъ нимъ физическую вольность силы: liberté значило у нихъ право сильнаго во всемъ своемъ пространствѣ.

Сіи самые Французы, которые не имѣютъ дѣтей, а имѣютъ конскриптовъ, повинуются не законамъ, а изрѣченіямъ Генераловъ, и управляемы не благоустроенною властію, а полчищемъ рыцарей фортуны, подъ предводительствомъ Корсиканца, — сіи самые Французы тогда не имѣли терпѣнія ни въ мирѣ, ни въ войнѣ: въ одномъ не доставало имъ славы, въ другой не находили они спокойствія. Налоги, противъ нынѣшнихъ столь умѣренные, казались имъ крайне отяготительными. Недостатки и слабости тогдашнихъ правителей казались имъ несноснѣе величайшихъ мученій, коими терзаетъ ихъ нынѣ Наполеонова фамилія.

Они стали искать лучшаго. — Простодушіе народное содѣлалась добычею немно-

гихъ крамольниковъ, и подъ ихъ тайнымъ вѣдѣніемъ добродушные мечтатели старались всѣми силами споспѣшествовать благоденствію своему и народному, и — никогда не достигала цѣли намѣреній своихъ. Хитрѣйшіе теперь и изъ ихъ записаны въ Аудиторы, Раппортеры и Ораторы общаго совѣта Императора Наполеона, и даже попалися въ Сенаторы или управляютъ Министерствами. Сіи послѣднія однакоже исключительно ввѣряются однимъ испытаннымъ товарищамъ верховнаго властелина.

Французы, желавшіе прекратить дѣйствія революціи, навсегда удалены изъ Франціи. Устройство мудраго правленія было бы противно намѣреніямъ Корсиканца; ему нужно было такое Государственное правительство, которое, подъ видомъ законнаго, заключалобъ въ себѣ всѣ способы и ужасы революціи, ибо безъ оныхъ онъ не могъ ни побѣждать, ни владычествовать. Сей то причинѣ должно приписывать въ правленіи Бонапартовомъ съ одной стороны установленіе законныхъ обрядовъ, а съ другой необыкновенныя и чрезмѣрныя притѣсненія народа и ежене-

дѣльныя почти перемѣны въ составѣ учрежденныхъ имъ Государствъ и собственныхъ его законовъ.

Французская Имперія, по существу своему, есть держава революціонная. Чтобъ увѣриться въ семъ, надлежитъ только обратиться къ начальнымъ основаніямъ и начертанію общей цѣли Государственныхъ составовъ. Мы найдемъ, что учрежденіе Государства, не требуя вреда другихъ, поставляетъ первою цѣлію благоденствіе собственнаго своего народа. Сего не льзя достигнуть истощеніемъ силъ его, но всѣ мудрые законодатели и всѣ благоразумныя правительства въ томъ согласны, что первый шагъ къ благоденствію народному состоитъ въ соразмѣрномъ употребленіи Государственныхъ источниковъ, безъ нарушенія предпочтеніемъ одного дѣятельности другаго. Словомъ: Государство должно быть подобно человѣческому тѣлу, въ полномъ здравіи пребывающему, въ коемъ, по мудрому установленію Провидѣнія, дѣйствіе каждой частицы, способствуетъ дѣйствію прочихъ, двигаясь поряд-

комъ естественнымъ, показывающимъ, что въ немъ каждая сила исчислена безошибочно.

Природа, одаривъ человѣка совершенно устроеннымъ тѣломъ, даровала ему и разумъ для понятія нравственнаго и примѣненія онаго къ Государственному составу въ пространнѣйшемъ смыслѣ.

Гдѣ люди пользовались хотя отчасти симъ неоцѣненнымъ даромъ, тамъ благоденствовали Государства, многія изъ частей управленія находились въ должной соразмѣрности, не напрягая чрезмѣрно, и не ослабляя слишкомъ силъ своихъ, и сохраняя ихъ въ надлежащемъ между собою отношеніи. Сіе состояніе было сверхъ того причиною процвѣтанія финансовъ.

Прежде Французской революціи Государства наблюдали отчасти правила такой внутренной соразмѣрности источниковъ, и чрезъ то сохраняли въ Европѣ родъ общаго равновѣсія. Сіе равновѣсіе тогда только можетъ существовать, когда каждая держава

умѣетъ съ такою мудростію употреблять свои способы, что не будетъ побуждаема къ исканію чужаго, и не почувствуетъ мнимой для себя необходимости въ уничтоженіи равныхъ ей державъ.

Мы не должны забывать притомъ, что народы зависятъ не отъ одной политики: Всевышній устроилъ въ природѣ вѣчную справедливость. Какой народъ не будетъ силенъ и щастливъ, естьли, употребляя въ надлежащей мѣрѣ источники своего могущества, станетъ вступать съ другими въ полезныя сношенія? Развѣ только то существо, которое стоитъ еще на низшей степени варвара сомнѣваться можетъ, тщетно ли Провидѣніе одарило человѣка разумомъ, дабы онъ могъ чувствовать всю цѣну щастія своего въ такомъ Государствѣ, гдѣ благополучіе всѣхъ и каждаго есть цѣль Правительства!

Но Французская Имперія не имѣетъ сей цѣли. Она не есть благоустроенное Государство, а получила только сіе названіе отъ послѣд-

наго революціоннаго начальника колеблющейся и кровью гражданъ обагренной Франціи. Подлиное же назначеніе, съ какимъ она устроена, состоитъ въ поддержаніи на тронѣ могущества Наполеонова и власти его сотрудниковъ. Признаемся, что назначеніе сіе весьма отлично отъ цѣли другихъ Государствъ. Направляя къ себѣ всѣ усилія Франціи, оно исторгло ее, такъ сказать, изъ среды прочихъ державъ, и содѣлало ее орудіемъ безумнаго честолюбія.

Правительство, ищущее истиннаго блаженства своихъ подданныхъ, пользующееся изобильнымъ и пространнымъ краемъ земли, и умѣющее обращать въ пользу всѣ свои способы, не имѣло бы надобности угрожать нападеніемъ на другія державы. Наполеонъ могъ привести Францію въ сіе состояніе и тѣмъ окончить революцію: вся Европа была свидѣтельницею, что ни одна держава не стала бы ему въ семъ препятствовать. Но, или не имѣлъ онъ истиннаго ума, или же, по развращенію своего сердца, продлилъ злополучія Франціи, перемѣнивъ только ея названіе, и учредивъ не,

Государство, а систему набора чрезмѣрныхъ военныхъ силъ и потребныхъ для того несмѣтныхъ податей, посредствомъ которой онъ могъ бы подвергать равному нещастію и другіе народы. Такимъ образомъ возникла въ Европѣ держава, ищущая истощеніемъ собственныхъ силъ, уничтоженія другихъ, и содѣлывающая оныя подобными себѣ орудіями для покоренія новыхъ народовъ.

Когдабъ учрежденныя Наполеономъ новыя Государства были установлены по удостовѣренію въ непрочности древнихъ Государственныхъ составовъ, когдабъ возможно было видѣть въ нихъ основанія будущаго благоденствія Европы, тогда можнобъ было согласиться, что они соотвѣтствуютъ естественному положенію свѣта; но нынѣ должно взирать на нихъ, какъ на простыя названія, выдуманныя для сокрытія истинной системы Наполеона, въ которую входитъ не основаніе благоустроенныхъ Государствъ, а учрежденіе страшныхъ военныхъ силъ, собраніе чрезвычайныхъ суммъ на под-

держаніе оныхъ, принужденіе жителей умножать его ополченія, и содержаніе ихъ въ слѣпотѣ ума, дабы не осмѣливались разсуждать о дѣйствіяхъ его. Или, скажемъ короче: Наполеонъ владычествуетъ надъ всѣми покоренными имъ обширными областями, точно такъ, какъ хитрый предводитель дерзкихъ разбойниковъ распоряжаетъ малымъ пространствомъ, занимаемымъ его шайкою. — Гдѣ онъ властвуетъ, тамъ исчезаетъ самое понятіе о Государствѣ, и цѣль онаго не существуетъ, ибо въ Наполеоновыхъ законоположеніяхъ благоденствіе жителей почитается вещью пустою, недостойною вниманія такъ называемаго правительства.

Въ благоустроенномъ токмо Государствѣ имѣютъ точное понятіе о мирѣ и о войнѣ; первый соблюдаютъ для того, чтобы наслаждаться благами природы и плодами своихъ трудовъ; войну же предпріемлютъ для сохраненія своей собственности, для отраженія враговъ, для пріобрѣтенія славы, основанной на народной пользѣ и справедливости.

Ни какое мудрое правительство не будетъ вести вѣчной войны. Не упуская изъ виду первоначальной цѣли Государственной, оно не согласится въ необходимости безпрестанныхъ непріязненныхъ отношенiй къ другимъ народамъ. Но Наполеонъ дѣлаетъ въ семъ изключенiе. Поставляя въ своей, такъ называемой, политикѣ первымъ правиломъ, что люди и земли въ его рукахъ орудiя, и что старыми орудiями прiобрѣтать должно новыя, объявилъ онъ вѣчную войну всѣмъ Государствамъ, изрекъ уничтоженiе Государственныхъ составовъ, коихъ власть его коснется и поступивъ однажды по сему правилу, нашелся въ необходимости отъ одного завоеванiя переходить къ другому.

Слѣдовательно отношенiе Францiи къ прочимъ державамъ есть совершенно непрiятельское, и Наполеонъ естественный врагъ каждому Государю, какъ къ войнѣ, такъ и въ мирѣ.

Изъ сего произошло, что въ 19 вѣкѣ всѣ почти политическiя отношенiя Францiи не

имѣя болѣе существенности, сохраняли одно названіе замиреній, перемирій, дипломатическихъ переговоровъ и проч. Какъ состояніе Франціи не соотвѣтствуетъ цѣли Государственной, такъ и они, теряя всю силу своего знаменованія, служатъ явными доказательствами изступленія Французской политики.

Миръ не можетъ быть прочнымъ, естьли онъ не основанъ со всѣхъ договаривающихся сторонъ на общей Государственной цѣли. Онъ долженъ соглашать съ благоденствіемъ каждаго Государства въ особенности, благосостояніе ихъ и выгодныя между ими сношенія вообще.

Возможно ли сіе, ежели при заключеніи мира не стараются привесть въ ясность пользы обѣихъ сторонъ и возстановить той соразмѣрности Государственныхъ силъ, которой требуетъ врожденый разсудокъ человѣческій? При заключеніи мира должно съ мудрою предусмотрительностію помышлять о всѣхъ случаяхъ, могущихъ его на-

рушить и лучше отложить оное до совершеннаго ихъ устраненія, нежели въ мирѣ лишь токмо сѣять новую войну.

Сіи правила въ началѣ 19 вѣка не были выполняемы, отчасти потому, что полученныя въ войнѣ выгоды или претерпѣнныя неудачи часто при заключеніи договоровъ приводили въ забвеніе предначертанное при началѣ войны намѣреніе; главная же причина пренебреженія сего состояла въ томъ, что Французская Имперія давно уже не слѣдовала общей Государственной цѣли и токмо наружностію являлась подобною другимъ державамъ.

Между тѣмъ, какъ съ одной стороны откровенно предполагали миромъ окончить войну, Французскіе политики въ изступленіи своемъ составили собственную свою систему изъ слѣдующихъ правилъ:

1) Существованіе Франціи и союзныхъ съ нею державъ относится единственно къ сохраненію Наполеоновой власти и исполне-

нію его намѣреній. Сіи состоятъ въ покореніи одного народа за другимъ, ибо нынѣшнее правительство Франціи не умѣетъ пользоваться ея источниками и признаетъ за нужное забавлять Французовъ военною славою, чтобъ они не чувствовали собственныхъ своихъ бѣдствій.

2) Посему военныя силы почитаются почти единственнымъ предметомъ управленія. Къ умноженію ихъ клонятся всѣ прочія установленія и обращаются всѣ источники земли. Всѣ Министерства должны трудиться для продолженія войны и наблюдать, чтобъ подданные притомъ не были имъ въ тягость.

3) Истощивъ Францію для завоеваній, должно истощать покоренныя страны, для пріобрѣтенія силъ къ новымъ завоеваніямъ. Иначе нынѣшнее правительство Франціи существовать не можетъ.

4) Франція должна взирать на миръ и на войну не по обыкновенію другихъ націй:

единственное отношеніе ея къ другимъ Государствамъ есть непремѣнное старание объ уничтожении оныхъ.

5) Миръ тогда только заключается, когда удобнѣе производить непріязненныя дѣйствія не открытою силою, а иными спососоБами.

6) Хорошій миръ долженъ заключать въ себѣ всѣ удобства къ открытію войны, какъ скоро то будетъ выгодно. Тѣмъ благоразумнѣе мирный договоръ, чѣмъ предусмотрительнѣе пріуготовлена въ немъ будущая война съ предназначеніемъ благопріятнѣйшей къ открытію оной эпохи.

7) Всѣ перемирія, конвенціи и условія имѣютъ одну сообразную съ симъ цѣль: способствовать военнымъ дѣйствіямъ, и какъ скоро они ея не выполняютъ, то разрывъ или нарушеніе ихъ необходимы.

8) Миссіи Французскія въ чужихъ краяхъ должны почитать себя политическими аван-

гардами Французскихъ армій и пріуготовлять военные успѣхи всѣми средствами, въ ихъ власти состоящими.

9) Никто не сомнѣвается въ томъ, что Французы и нѣкоторыя другія націи сотворены единственно для поддержанія Императора Наполеона, котораго особа есть средоточіе и собственная цѣль всей составленной имъ подъименемъ Французской Имперіи и ея союзниковъ системы, и никто, сколь бы онъ простъ ни былъ, не станетъ воображать, что сія Имперія установлена, подобно другимъ Государствамъ, для созданія народнаго благоденствія.

10) Только на сихъ правилахъ можетъ существовать нынѣшнее Французское правительство; исполненіе оныхъ необходимо нужно по многимъ причинамъ, а преимущественно потому, что народамъ, какъ простымъ орудіямъ, не приличествуютъ богатства и могущества, въ коихъ никому нѣтъ настоятельной надобности, кромѣ Императора Французовъ и его чиновниковъ.

Правда, что мы не были въ кабинетѣ Наполеона, когда онъ диктовалъ своимъ Министрамъ сіи 10 правилъ, но предоставляемъ читателямъ извлечь оныя собственными разсужденіями изъ всѣхъ публичныхъ дѣяній Наполеона, изъ всѣхъ мирныхъ его договоровъ, перемирій, поступковъ его посланниковъ и Агентовъ. Перестали помышлять о прочности мировъ, — не старались уничтожить препонъ къ заключенію и соблюденію оныхъ, но довольствовались какими нибудь условіями, успокоивающими на время, которыхъ непрочность является при подробномъ изслѣдованіи.

Дипломатики Французской системы перестали быть Государственными людьми, т. е. такими, которые стараются споспѣшествовать общей Государственной цѣли; удаляясь отъ оной, обращаютъ они все свое вниманіе на достиженіе условій представляющихъ поводъ къ новой войнѣ, и усыпляющихъ наружными увѣреніями договаривающуюся сторону.

Предусмотрительность, съ которою прежде сего при замиреніяхъ старались обезпечивать благосостояніе Государствъ на будущіе вѣки, исчезла; — мѣсто ея заступили гнусныя коварства, пріуготовляющія паденіе державъ и уничтоженіе націй. Политика, не основываясь болѣе на истинныхъ своихъ правилахъ, перемѣнила свое существо по случайнымъ происшествіямъ войны. Такое изступленіе Французской политики конечно предоставило Наполеону первоначальные противъ его непріятелей успѣхи. Различіе политической его системы съ мнѣніями прочихъ Государствъ доставило ему способы, дотолѣ неслыханные, основанные стольножъ на совершенномъ изнуреніи народовъ, сколько и на пренебреженіи святости договоровъ и даннаго слова. Сіи два предмета приведены Наполеономъ въ совершенство, и къ нещастію успѣхи его побуждали многихъ признавать мудростью политики и искуствомъ въ управленіи Государственномъ то самое, что равно противно было и здравой политикѣ и существенной цѣли Государствъ.

Такимъ образомъ взяла свое начало ложная политика 19 вѣка, дѣйствіе коей явствуетъ изъ многихъ трактатовъ и публичныхъ актовъ. Всего яснѣе показывается она тамъ, гдѣ Наполеонъ въ одно время хотѣлъ соблюсти свои выгоды и усыпить вниманіе своихъ противниковъ. Тогда приступалъ онъ къ страннымъ и даже смѣшнымъ условіямъ, которыя въ старину получилибъ названіе политическихъ диковинокъ, и можно сказать, что сіи условія похожи на то, естьлибъ одинъ человѣкъ уговорился съ другимъ, чтобъ онъ простоялъ двадцать лѣтъ на одной ногѣ, а впрочемъ наслаждался всѣми удовольствіями жизни. Напримѣръ: военная * дорога состоитъ въ полномъ владѣніи какой нибудь державы, но Французскія войска во всякое время могутъ проходить чрезъ оную. Такое-то пространство или крѣпость занимаются Французскими войсками, по видимому для удобнѣйшаго расположенія войскъ по квартирамъ, въ самомъ же дѣлѣ для того

* Развѣ есть гражданскія и статскія дороги?

токмо, что представляютъ выгоду при первомъ военномъ дѣйствіи оружить и обезоружить непріятельское Государство. — Для безопасности отъ Англичанъ, занимаются послѣдніе, изъ оставшихся за какою нибудь державою, приморскіе берега. Сіи берега сверхъ того открываютъ путь въ нѣдра той самой державы, въ тылъ и во флангъ ея военныхъ позицій. — Французскія войска между тѣмъ должны получать продовольствіе свое отъ жителей непріятельскихъ странъ — Нейтралитетъ существуетъ не для державъ (сіе было бы непріятно Франціи) но для мѣстечекъ и городовъ. — Въ удовлетвореніе справедливыхъ требованій, дается какому нибудь непріятельскому союзнику прекрасная область съ приличнымъ титуломъ — но, къ нещастію, сія область имѣетъ свое положеніе посреди Французскихъ армій, и Государь въ ней можетъ дѣлать все, что желаетъ, только не управлять оною. — Франція, прекращая торговыя сношенія какой нибудь державы съ Англіею, вознаграждетъ ее мѣною на собственные свои избытки, т: е: хорошіе свои това-

ры за дорогія лиценціи позволяетъ отпускать въ Англію, а союзной державѣ продаетъ за высокую цѣну чепцы, ленточки, манишки, тесемочки, ридикюли, супиры, и проч. —

Но кто исчислитъ всѣ сіи политическія чудеса? Очаровательное свойство ихъ тогда только прекратилось, когда стали понимать, что Франція не есть Государство подобное другимъ, что сама Франція уже не существуетъ, и что вмѣсто ея составилось какое-то многочисленное общество Наполеонцевъ, не наблюдающихъ правилъ и цѣли Государства. Сіе общество имѣетъ одно сильное стремленіе уничтожить всѣ Государсшва, устроенныя для благоденствія народовъ, и посему оно должно или исчезнуть или перемѣниться въ самомъ существѣ своемъ, которое противно законамъ Провидѣнія и природы.

Сама природа, по законамъ вѣчной Премудрости, даетъ человѣку понятіе о составѣ благоустроенныхъ Государствъ. Сама природа показываетъ, что Правительства, для

сниcканія благоденствія своихъ подданныхъ, должны узнавать тѣ коренныя свойства каждой страны, коими опредѣляется соразмѣрное употребленіе народныхъ силъ. Самое Провидѣніе возпрещаетъ народамъ предпринимать безполезныя брани, и за оныя наказываетъ бѣдствіями. Заглянемъ въ лѣтописи всѣхъ вѣковъ. Спрашиваю: находилось ли благоустроенное Государство когда либо въ необходимости искать уничтоженія подобной себѣ благоустроенной державы? Никогда! будетъ отвѣтъ человѣчества и природы. Но когда возстаютъ бичи человѣческаго рода, которые мнятъ быть устроителями Государствъ, и при коварной своей хитрости, не имѣя ни малѣйшаго понятія о Государственной цѣли, сооружаютъ уродливыя политическія тѣла, противныя естественному порядку свѣта, тогда истинныя Государства, угрожаемыя опасностію паденія, ополчаются на искорененіе — не народовъ а тирановъ ихъ.

Такъ и Россійскій народъ, отразивъ врага Вѣры и Отечества, подъялъ грозныя свои

силы — не ищетъ ни корыстей ни чужихъ владѣній, не жаждетъ уничтоженія народовъ, но стремится единственно къ истребленію чудовища, потрясшаго единственный порядокъ свѣта, отвратившаго Государства отъ первоначальной ихъ цѣли, возмечтавшаго попрать щастіе будущихъ поколѣній — противъ сего чудовища ополчился Россійскій народъ, въ твердомъ намѣреніи возвратить Государствамъ первобытное ихъ существованіе и одарить міръ благоденствіемъ.

А. М.
